

Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе

Мария Ю. Яцевич^{а, @}

^а Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово,

@ maria762003@list.ru

Поступила в редакцию 28.10.2020. Принята к печати 23.11.2020.

Аннотация: В статье исследуются онтологические основания власти, характерные для различных концептуальных подходов, сложившихся в западноевропейском философском дискурсе. Анализируются сущностные характеристики власти в рамках классической и неклассической парадигм, раскрывается взаимосвязь ее онтологических принципов с социальной практикой в различные исторические периоды. В классической рационалистической картине мира власть наделяется метафизическими свойствами, что обеспечивает ей трансцендентный статус и этические характеристики. Власть соотносится с такими концептами, как благо, иерархия, долг, порядок, закон, справедливость. Данный дискурс представил власть как категорию онтологического порядка, причастную Абсолюту, и способствовал развитию в социальной практике ее институциональных форм, управленческих стратегий на основе контроля, подчинения, принуждения. Неклассическая парадигма выдвинула представление о власти как о проявлении иррациональности человеческой психики. В условиях критики логоцентризма философы волюнтаристской онтологии представляют власть как категорию антропологического дискурса. Ее основные свойства определяются через понятия универсальности, иррациональности, субъектности, тотальности, вездесущности и прочие. Власть лишается своего трансцендентного статуса и этического характера, традиционно обеспечивавшего ей легитимность в обществе, но обретает свойства всеобщности и имманентности человеческой природе в бессознательных структурах психики. В социальной практике трансформация принципов власти обусловила развитие новых способов осуществления власти, социальных институтов и способов их функционирования.

Ключевые слова: социальные практики, рационализм, иррационализм, логоцентризм, метадискурс, социальная онтология, модернизм, постмодернизм

Для цитирования: Яцевич М. Ю. Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 338–345. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-338-345>

Введение

Проблема власти в современных исследованиях традиционно является одной из ключевых, затрагивающих все основные сферы жизни общества. В последние десятилетия феномену власти посвящен широкий спектр разработок, которые ведутся в различных областях современной науки. С одной стороны, это связано с глобальными изменениями, происходящими в социальной практике (экономике, политике, правовой сфере), развитием новых механизмов властвования и принципов функционирования властных институтов. Но во многом потребность в многостороннем постижении власти обусловлена теоретико-методологическим разнообразием трактовок данного феномена, сформировавшихся в условиях современной системы знаний. Оба фактора имеют общую интеллектуальную основу и являются следствием развития логико-мировоззренческих установок, характерных для определенных исторических эпох.

Так, в аналитике (дискурсе) власти на сегодняшний день наиболее четко выделяются две основные тенденции. Первая, наиболее влиятельная в социальной теории на начало XX в., разработана в классической рационалистической парадигме. Другая, набирающая свою популярность во второй половине XX в., – неклассическая модель

экспликации власти – основана на работах философов неклассической традиции.

В социальной онтологии власть является системообразующим принципом, фактором изменения и стабилизации, механизмом влияния и упорядочения межличностных отношений. В современных исследованиях власть чаще всего рассматривается в прикладном ракурсе (в юриспруденции, менеджменте, политологии, социологии, педагогике, психологии). Особое значение имеют работы в области философского осмысления феномена власти, где в основном мыслители обращают внимание на особенности осуществления власти в обществе, ее институциональные особенности либо эксплицируют ее психологические основания [1–8].

Исследование структурных, функциональных и методологических аспектов феномена власти остается важным и необходимым в системе современного знания. Но в условиях многообразия и изменчивости теоретических и мировоззренческих предпосылок в современной системе знания актуализируется потребность в изучении онтологических оснований власти, характерных для ключевых подходов в социально-теоретических воззрениях западноевропейских мыслителей.

Феномен власти в классической рационалистической картине мира

Феномен власти весьма многогранен и имеет длительную историю в философии. Одними из первых, кто обратился к описанию и изучению власти, были античные философы, которые рассматривали ее истоки и проявление в социуме с позиции метафизики. В целом власть для них являлась эманацией абсолютного принципа, идеального начала, обеспечивающего гармонию в мире.

Античные греческие мыслители от Гераклита до Аристотеля стали основателями подхода, где власть трактуется как отношения *господства – подчинения* и обусловлена существованием метамира с едиными и неизменными законами бытия. Процессы, протекающие в социальной реальности, объяснялись детерминацией метафизического принципа, который определяет стремление людей к упорядоченности, поддержанию субординации, подчинению закону (как мировому Логосу) и приверженности рационально обоснованным способам существования. Власть здесь позиционируется как категория онтологического порядка, воплощающая общий принцип мирового устройства в системе социальных отношений. В данной парадигме метафизическое пространство как сфера, иницирующая принцип власти, рассматривается как реальность должного, рационального, совершенного, благого. Власть наделяется свойствами «идеального» мира и причастности к «должному» порядку вещей. Такого рода эссенциалистская модель власти представлена как отношения, характерные для апейрона и природных стихий у Анаксимандра, связь между числами и вещами у Пифагора, Логосом (общим) и вещами (элементами) у Гераклита, «миром идей» и «миром вещей» у Платона, а также «формой» и «материей» у Аристотеля [9; 10].

В этой логике принцип власти описан как общее основание устройства мира, детерминирующее связь субстанции и акциденции, идеального и материального, природы и общества, общества и индивида. Мироздание представляется здесь как единая система, результат эманации совершенного начала, определяющая для всего сущего принцип соподчинения и иерархии как образец бытия, идеальный Космос. Социальная реальность понимается как результат реализации в ней метафизических принципов логики, иерархии, порядка, соподчинения низшего высшему. Соответствие метафизическому порядку стало критерием законности, справедливости, разумности, правильности и блага в общественной практике.

Таким образом, принцип властных отношений проецируется на бытие в целом как законы природы и отношения в государстве. В этом аспекте иерархично устроенное общество, централизованная организация социальных институтов понимается как реализация метафизических этических принципов: Справедливости, Истины, Гармонии, Блага. Отсюда следует, что государство, подчиняющееся принципу иерархии и управляемое с помощью законов,

является лучшей формой разумной организации социальных отношений, наиболее приближенной к устройству совершенного метамира. По мысли Аристотеля, социальные отношения являются проявлением естественной склонности человека к гармоничному, разумному сосуществованию на основе модели *господства – подчинения* и поддержания иерархичного устройства [9].

Мы видим, что уже в первых философских концепциях формируется классическая модель понимания сущности власти как фундаментального принципа мироустройства, рационального закона организации общественной жизни на основе доминирования. Власть оформляется как онтологический принцип, имеющий этическую и логическую подоплеку. Законы Вселенной и правила общественной жизни едины, этически оправданы и рационально объяснимы. И если власть является воплощением метафизического морального закона, следовательно, быть разумным и добродетельным значит подчиняться существующей власти. В связи с этим постижение человеком посредством разума законов устройства мира, воплощенных в Истине, Благе, Красоте, делает его причастным к идеальному миру, гармоничному Космосу (Платон). Познание предполагает интеллектуальное восхождение по иерархической конструкции идеального мира при обязательном условии рационально-критического поиска истины, рефлексивного погружения в глубины собственной души и этического самосовершенствования. По Платону, процесс рационального постижения мира предполагает не только теоретическое познание его законов, но и духовное преображение. Платоновское учение о трехчастной душе, где разум должен доминировать над аффектами и страстями, ориентирует на развитие навыков самодисциплины и диктует необходимость осознанного (познанного) подчинения нравственным установкам [10]. Феномен власти в греческой традиции является не только выражением механизма социального подчинения, но и важным принципом этически оправданного и рационального мироустройства, постижение которого позволяет человеку осознанно управлять собственными страстями и гармонично обустроить общество на основе знания моральных законов.

В традиции средневековой мысли классический дискурс получает свое развитие. Метафизическое обоснование власти становится еще более отчетливым в христианской традиции. Библейское учение все более углубляет мысль об иерархичности Мира Небесного, опираясь на идею Божественного провидения. Идея власти здесь оформляется как проявление Высшего Закона и реализация плана спасения человечества («нет власти не от Бога, существующие власти установлены Богом»¹) [8]. Власть получает сакральный смысл и становится священной. При этом подчинение человека властным институтам (церкви, светским административным структурам) определяется как необходимое условие спасения души. Особую значимость приобретает наблюдение за содержимым собственного сознания (практика исповеди,

¹ К Римлянам. Гл. 13. Стих: 1.

молитвы) как условие внутреннего совершенствования и подчинения Божественному порядку. Внимание к мистическим практикам, трансцендентному аспекту в духовной жизни индивида стимулирует развитие внутренних потребностей к самодисциплине, но и предписывает абсолютную значимость внешнего регулятивного начала, ориентированного на подчинение церкви и властным институтам.

Важную роль в этих обстоятельствах сыграл логоцентризм средневековой схоластики, обосновывающий внешнюю упорядоченность и рациональность проявления власти, что во многом способствовало подробной разработке ее институциональных форм и инициировало новые управленческие стратегии [11]. Ответственности властей предписывается создание системы подчинения индивида законам церковным и светским, а также их формализация. В социальной реальности зачастую это происходило в виде жесткой централизации церковных институтов, увеличения роли административных структур, механизмов контроля и принуждения (принцип феодального вассалитета, усиление папской власти, разветвленность иерархической структуры католической церкви, умножение налогового бремени и т. д.).

Практика подчинения церковной власти, предполагающей смирение и принятие существующего метафизического порядка, является основой духовной жизни индивида, реализуется в политических проектах и охватывает собой все социальные процессы. Власть в обществе Средневековья является уже не просто отвлеченным метафизическим принципом, но получает сакральное значение, прочно утверждая свой этический и юридический статус, подкрепленный системой экзистенциальных ориентиров и религиозных практик. В этих условиях рождаются новые модели поведения, которые, с одной стороны, определяют свободу человека в духовном пространстве, но с другой – предписывают необходимость полного послушания, подчинение авторитетам и следование строгим канонам церковных и государственных властей.

Так, основанием власти в обществе Средневековья являлась классическая онтологическая модель, апеллирующая к совершенному метамиру «должного» как господствующему над миром «существующего». Но в рамках данной парадигмы средневековые властные институты наделялись полномочиями не только структурировать реальность общества, определять модели социальных отношений, юридические нормы, политические практики, но и наделять смыслом социальные коммуникации и контролировать духовную жизнь индивида, его внутренний мир.

Новые оттенки образа власти в средневековой мысли в дальнейшем подготовили почву для ориентации европейцев, с одной стороны, на важность принципов легитимности в социальном управлении, значимость теоретической обоснованности политических проектов, наличие достаточных юридических полномочий для правления и необходимость нормативного регулирования социальными процессами. С другой стороны, способствовали формированию принципа власти как морального основания, где отношения *господства – подчинения* получают свою полную легитимность

и принятие обществом только при условии этической обоснованности действий правящих элит. Власть становится системообразующим социальным фактором, предписывающей инстанцией как на духовно-интеллектуальном уровне, так и на практическом. Власть закрепляет за собой нормативную функцию, инициируя эпистемологические, правовые, экономические процессы, определяет традиции, культурные и коммуникативные особенности жизни общества, а также желательные для нее свойства личности [12].

Определенные коррективы в представление о власти внесла пантеистическая онтология XV–XVI вв., когда положение «Все есть Бог» становится фундаментальным, определившим разрушение иерархичной и централизованной модели мироздания. Положение о трансцендентном Боге-личности как творце, выступающем источником блага и абсолютным гарантом порядка и справедливости, постепенно утрачивает свое значение в мировоззрении европейцев. Бог становится тождественным миру, а мир – частным проявлением Бога – бесконечного максимума. Так, в учении Н. Кузанского рационализированная и математизированная Божественная сущность рассеивается в материальной Вселенной, проявляясь лишь в законах природы и в человеческом разуме. «Бытие Бога в мире есть не что иное, как бытие мира в Боге» – полагает Николай Кузанский. Используя в своем учении математические принципы, он пришел к выводу, что Вселенная – это глобальная машина, которая как бы имеет повсюду центр и нигде окружность, ибо «ее окружность и центр есть Бог, который всюду и нигде» [12, с. 134]. Такого рода онтология повлекла за собой постепенное становление децентрированной концепции мироустройства, формирование новой модели социального бытия и его управления. Постепенно отходит на второй план представление о власти как проявлении воли сакральной этической сущности – Бога. В мире механического единства и «слепых» математических правил возникает необходимость в создании строгих прагматичных законов осуществления власти, механизмов социального регулирования и моделей межличностного взаимодействия [13].

Оформление и укрепление пантеистической децентрированной онтологии в Новое время заставляет переосмыслить традиционные основания реальности, обращаясь к новым гарантам бытия и стабильности. И в данной системе описания мира первичной онтологической единицей становится разумный субъект – носитель сознания и мыслящая субстанция. На этом фоне социальная реальность, некогда структурированная трансцендентной божественной сущностью, раскалывается на множество автономных, самодостаточных индивидов-субстанций, реализующих свои субъективные намерения в познании, социальных практиках и властных отношениях (Р. Декарт, Дж. Беркли, Г. Лейбниц). Принципом объединения автономных индивидов, субъектов действия теперь становится прагматическая выгода, а идеалом общества – отлаженный механизм рационально функционирующего государства (Т. Гоббс, Д. Локк) [8].

В результате новоевропейская парадигма инициировала деонтологизацию и десакрализацию власти, лишив

ее традиционных иерархических принципов и этико-онтологического основания. Власть в обществе должна быть «результатом разумного соглашения», полагал Дж. Локк [14]. Каждый свободный человек является носителем власти и реализует ее путем осознанного и свободного делегирования своих полномочий публичным институтам. Подчинение законно избранным властям позиционируется как свободное рациональное действие гражданина и основополагающее условие разумной социальной практики, направленной на получение выгоды от совместных действий. Понимание власти переводится из области метафизического в сферу прагматического и рассматривается как инструмент для формирования взаимовыгодных межличностных коммуникаций, интересосубъективного взаимодействия. Индивид одновременно становится и субъектом, и объектом управления, что ставит его в ситуацию выбора цели, способов, процедур организации собственного бытия.

В качестве важнейших критериев власти определяются требования разумной необходимости и полезности. Власть легитимируется публичными процедурами и опирается на автономию индивида. Обсуждение управленческих решений, требование обоснованности действий, прагматизм и реализация потребностей индивида становятся системообразующими принципами осуществления власти в западном обществе. При этом правовые нормы и способы организации общественной жизни требуют новых концептуальных форм. В центр социально-философского и политического дискурса помещаются такие категории, как свобода, права человека, справедливость, равенство, прогресс, собственность. Оформление соответствующего концептуального аппарата способствовало развитию новых явлений и процессов в обществе: распространение республиканского правления и демократических политических режимов в европейских государствах, реализация принципа разделения властей, признание неотъемлемости свобод и прав индивида, развитие рыночной экономики и др.

В новоевропейской традиции власть утрачивает свое метафизическое значение и этическую подоплеку и становится способом организационного воздействия на автономного разумного индивида в системе государственного управления. Власть рассматривается как проявление субъективности, вариант упорядоченной и прагматичной деятельности индивида, который включен в систему различных отношений в условиях государственного управления. Представления об автономности индивида в комплексе с социокультурными изменениями инициировали впоследствии оформление функционального представления о власти как «обобщенного посредника» отношений в обществе (что делает ее схожей с денежными отношениями) [3].

В этих обстоятельствах феномен власти позиционируется как *инструмент, функция* определенных структур, направленная на упорядочение социального мира с целью реализации прав индивида. В общественном сознании власть обретает свою легитимность при условии наличия рационального контракта (взаимовыгодного соглашения индивида с государством), строгих правовых норм,

актуализируется в публичном пространстве, которое становится предельно институализированным и регламентируется юридическими процедурами. Право на власть становится формально возможным только с одобрения индивидов, институтов гражданского общества и поддержки влиятельными социальными группами. Это должно было способствовать укреплению границ, удерживающих распространение влияния государства, и направить его деятельность на удовлетворение интересов и потребностей отдельного индивида.

При всей очевидной трансформации принципа власти в эпоху Нового времени классический метафизический дискурс продолжает оказывать существенное влияние на социальные теории и играет значительную роль в европейской общественной практике. Данная парадигма, наделяя власть особым абсолютным статусом, обуславливает необходимость ее актуализации и за пределами государственных институтов. Власть все больше начинает претендовать на управление сознанием индивида в интересах государства или определенных социальных структур с помощью различных способов воздействия, в том числе, как считает М. Фуко, посредством эпистемологических практик и комплексов *власть – знание* [6]. Эта тенденция проявила себя в форме классических политических идеологий, которые начинают активно реализовывать свои тотальные претензии на власть посредством внедрения в коммуникативные процессы соответствующих ценностных установок, образцов поведения и нормативных предписаний [15]. Такого рода процессы повлекли за собой унификацию и стандартизацию мышления, рост бюрократизации, увеличение форм контроля, процедур подчинения и усиления дисциплинарных практик. В целом это способствовало усилению государства и увеличению способов его воздействия на сознание и деятельность индивидов.

При этом государство рассматривалось как гарант разумного осуществления власти, результат общественного консенсуса и носитель легитимной власти. Именно в обществе модерна государство присваивает себе исключительное право на власть, используя различные способы принуждения индивида к определенному типу мышления, образу жизни, стилю поведения, через которые и транслируется модель *господства – подчинения* [6].

В таких обстоятельствах архетип власти *господства – подчинения* не умещается в строго отведенных для него рамках *государства – ночного сторожа* и стремится актуализоваться во всех сферах социального сознания, проникая на различные уровни и формы социального пространства (повседневность, культуру, искусство, образование и т. д.). Таким образом, власть, лишенная единых, онтологически определенных универсальных норм и моральных принципов, утверждает себя с помощью утилитарных (экономических) целей и смыслов, ориентированных на выгоду и пользу властвующей элиты. В данном контексте уместно вспомнить мысль К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что власть напрямую связана с экономическим интересом, а господствующий класс собственников – есть само государство [2, с. 278–333].

Неклассическая традиция понимания феномена власти

Отрицание метафизики власти было доведено до своего логического конца в иррационализме XIX в. и постмодернистской философии. Ф. Ницше впервые рассматривает феномен власти как «волю к жизни», «потребность обладать», «слепое стремление», присущее изначально человеческой природе. «Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти» [16, с. 82]. По его мнению, вся деятельность человека пронизана «жаждой жизни», которая реализуется во всех формах духовных практик: в познании, стремлении к истине, свободе, справедливости, добродетели, и даже проявления терпимости, покорности, любви, веры, чувства долга, а также создание всевозможных идеалов – все это есть «замаскированные виды воли к власти» [16, с. 275]. Власть присутствует во всех актах доминирования и повелевания и не имеет ограничений. Она есть естественное проявление самой Воли и независима от человека. Власть не контролируема и не упорядочена, она не делит социальную реальность на объект или субъект. Власть есть само нераздельное бытие и проявляется во всех сферах межличностных отношений через порыв, действие, желание и мысль индивида.

Ф. Ницше одним из первых инициирует деконструкцию классической логоцентрической модели власти. Это дало дополнительный интеллектуальный толчок дальнейшей процедуре децентрирования власти, стало поводом для лишения закрепленной за ней рациональности, иерархичности и связи с конкретными социальными структурами. Власть не подотчетна рациональным критериям, она не имеет морального свойства. Моральные ценности и смыслы, по мнению Ф. Ницше, есть сугубо человеческие, субъективные и относительные категории, необходимые для утверждения власти в обществе [16]. М. Вебер видит в этом становление принципа власти как возможности проводить внутри социальных отношений собственную волю субъекта вопреки внешнему сопротивлению и независимо от того, на что опирается такая возможность [4, с. 75].

В начале XX в. неклассическая традиция понимания феномена власти развивается в рамках психоанализа. В учениях З. Фрейда, Р. Райха, Э. Фромма власть предстает как свойство психики человека, связанное преимущественно с иррациональными бессознательными процессами [17; 18]. Власть связывается со стремлением человека к удовольствию и соотносится с наслаждением от обладания. В то же время власть – это ресурс господствующего общественного порядка, который несет в себе репрессивное начало для индивида, ограничивая его инстинкты и приспособляя его к социально приемлемым стандартам поведения (Власть Отца) [17].

Власть предстает здесь как категория антропологии, характеризующая субъективное бытие, процессы и механизмы, лежащие за гранью осознаваемого. Слово, язык, знак рассматриваются как способы проявления власти и ее утверждения в сознании индивида при помощи дискурсивных структур (Ж. Лакан, Р. Барт, Л. Альтюссер). Любые формы выражения мысли, укорененные в языке,

рассматриваются как проявления символических структур, необходимых для распространения в обществе определенного набора правил. Знаковые системы (идеологические дискурсы) формируют определенный социальный порядок, инициируют практики и обеспечивают функционирование социальных институтов [19]. Соответственно, власть в ее языковой форме – способ структурирования элементов внутреннего мира индивида на основе определенных социокультурных стандартов.

Продолжая линию волюнтаризма и психоанализа, постмодернисты деконструируют рационалистические параметры власти. В теории постмодернизма «положение асимметрии и оппозиции подвергается критике: власть – не отношения власти одного субъекта (группы) над другим, а и тот, и другой являются уже продуктом власти и представляют собой элементы в ее конструкции, в ее целом» [7, с. 40]. Власть обретает свойства вездесущности и универсальности. Тотальная власть, лишённая метафизического статуса и рационального мотива, не локализована в определенных социальных структурах, не иерархична, не имеет причин для собственного существования и этически нейтральна, не вытекает из отношений между индивидами, но присутствует во всех формах межличностного взаимодействия. М. Фуко в своих исследованиях подчеркивает, что власть пронизывает собой все, она «разлита» везде и присутствует во всех формах межличностных коммуникаций [6]. «Вездесущность власти: не потому вовсе, что она будто бы обладает привилегией перегруппировывать все под своим непобедимым единством, но потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой» [6, с. 192]. «Власть приходит снизу; это значит, что в основании отношений власти... не существует никакой бинарной и глобальной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют... скорее следует предположить, что множественные отношения силы, которые... действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все целое социального тела» [6, с. 193]. Различные формы взаимодействия индивидов (язык, эпистемологические практики), а также социальные институты: семья, модель управления, политические структуры, экспертное сообщество, коррекционные и образовательные учреждения – являются следствием кристаллизации бессознательных импульсов, потребности владеть и желания доминировать, которые оформляются на основе определенных логико-мировоззренческих установок, доминирующих в обществе. Следовательно, власть – это феномен иррациональный и, скорее, имманентный психике человека, чем трансцендентный и сугубо социальный.

В целом для мыслителей-постмодернистов постижение сущности власти уже не представляется важнейшей задачей (эссенциалистская парадигма, как известно, безжалостно отбрасывается философами этого поколения), но более значимым становится прояснить собственно ее *явление* через язык, психические процессы, социально

значимые идеи, историю; обнаружить ее функционирование в сетях социальных связей, политических и экономических институтах; осмыслить особенность ее существования в культуре, познании, науке, коммуникациях (Р. Барт, М. Фуко, Г. Маркузе, Ж. Лакан, С. Жижек, Ж. Делез, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр) [1]. Для постмодернистов природа власти коренится в самой сущности человека (но при этом не зависит от него), который стремится осознавать свое существование, предписывая смысл и значение социальным практикам и человеческим поступкам. Отсюда следует, что человечеству придется признать реальность власти на уровне всех видов человеческой деятельности и научиться жить в мире «вездесущей» иррациональной власти, одновременно разоблачая ее проявления в событиях политики, экономики, права, межличностных коммуникациях и создавая условия для нивелирования ее негативных эффектов.

Таким образом, власть уже не просто воздействует на индивида посредством социально-экономических или юридических рычагов давления и принуждения, но «оккупирует» духовную реальность и «встраивается» в ментальные процессы индивида. Индивид зависит от власти на уровне своих желаний. Как подчеркивал Г. Маркузе, индивид, находящийся под властью идеологии «общества потребления», формирует свои желания в зависимости от того, что является желательным для власти [21]. Человеческому сознанию предписываются модусы существования, которые позволяют интегрировать его в такую систему отношений, где он освобождается от свободы выбора, ответственности, взамен предлагая готовые мыслительные и эмоциональные шаблоны, необходимые для реализации целей и задач властных структур.

В этих обстоятельствах власть становится функцией, средством для достижения господствующего положения ее акторов. Появляются новые стратегии, методы и механизмы осуществления власти: манипулирование сознанием при помощи СМИ, использование научных и псевдонаучных идей, гуманитарных технологий и др. Это позволит власти проникать на все уровни социальной реальности (экономику, культуру, повседневность, межличностные коммуникации, систему образования, науку) и контролировать ее основные процессы.

Данная стратегия осмысления власти являлась попыткой преодолеть ситуацию кризиса, охватившего общество в середине XX в., как на мировоззренческом, так и практическом уровнях. Кардинальная трансформация социальной реальности, разрушение традиционных социальных институтов и ментальных установок привели к появлению новых форм коммуникации и способов их организации, таких как СМИ, агрессивные социальные технологии, экономические способы воздействия и др. В современной социокультурной реальности власть реализуется в новых формах: не демонстрируя свои методы и средства воздействия, скрывая механизмы манипулирования и маскируя свои истинные намерения и цели.

Постмодернизм, признавая неустранимость и тотальность власти, проявляющуюся в различных социальных

процессах и интеллектуальных формах, все же пронизан надеждой на то, что отсутствие субстанциональности власти приведет к ее «размыванию» и перестанет угрожать индивидуальности и свободе личности. Но при этом инстинктивные потребности власти, желания могут быть сублимированы, переведены в приемлемые формы и актуализированы в областях культуры и свободного творчества.

Заключение

Западноевропейская традиция реализовала две противоположные концепции понимания власти. Первая, классическая, развивается в античной, средневековой, новоевропейской философии и основана на логоцентрической картине мира и метафизике рационализма. Феномен власти в этот период соотносится с логикой существования мира, сопоставляется с благом, справедливым законом социальной жизни, наделяется высшим смыслом и позиционируется в качестве основы организации межличностных связей. Власть оформляется как принцип *господства – подчинения*, выражение гармонии, справедливости, высшего порядка и морального закона в системе иерархично устроенного мироздания. Концепт власти получает в этот период свое онтологическое и этическое обоснование, что наделяет его значимостью как в социальном, так и в моральном контекстах. Власть имеет здесь метафизический статус, соотносится с Абсолютом, имеет высший смысл, ценность и этическое измерение. Рациональность власти является критерием ее легитимности, социальные структуры определяются как носители властных полномочий, необходимые для управления и контроля над индивидом с целью его морального усовершенствования.

Классический дискурс власти, со времен античности укорененный в европейском сознании и длительное время наделявший смыслом социальные практики, оказывает свое влияние на интерпретацию и осуществление власти в реальности современного социума. Принцип власти, получив свое метафизическое и сакральное обоснование в прошлых эпохах, прочно утвердился в мировосприятии европейцев в виде архетипа, проявляющегося в ожидании единых морально обоснованных правил, повсеместном использовании модели отношений *господства – подчинения*, структурировании социальных практик на основе общезначимых абсолютных целей и др.

В рамках новоевропейского общества наблюдается зарождение альтернативного неклассического подхода к пониманию власти, где появляются предпосылки для раскрытия ее новых свойств и оснований. Процедура деонтологизации («конца трансцендентного») и децентрализации мира позволила выдвинуть на первый план реальность субъективного бытия, что послужило причиной для нивелирования связи феномена власти с метафизическим объективным миром, лишая власть онтологической платформы и этической подоплеки. В неклассической традиции, которая свое наиболее развернутое обоснование получает в современных теориях, власти «отказано» в укорененности в реальности трансцендентного, но уже

сама власть является источником реальности, порождая объекты познания и способы их постижения.

Власть здесь предстает в своей универсальности и проявляется в различных формах человеческого бытия: «субъекта, принимающего решения» и «системы, распределяющей власть» [22]. Вездесущность власти определяет ее бытие везде, во всех «клеточках» социальной жизни и на всех уровнях субъектности. Власть «располагается» в психике личности, в духовном пространстве общества (проявляясь через миф, искусство, религию, философию), в государственных организациях, международных институтах, обнаруживает себя в инструментах и технологиях управления и контроля.

В рамках неклассической традиции обнаруживаются иррациональные характеристики власти, она становится свойством человеческой субъективности, проявляется в форме бессознательных желаний, господствующих мотивов поведения, существует в языковых структурах, дискурсивных практиках, социальных и гносеологических «ритуалах» и т. д. В рамках данного подхода власть рассматривается как антропологический феномен, обладающий изменчивыми формами, соотносимыми с различными культурно-

историческими типами. В социальной практике данный дискурс стал одной из детерминаций новой политической реальности современного общества.

В современном обществе, характеризующемся многообразием противоречивых и разнонаправленных теоретических и социально-практических трендов, заметно присутствие и влияние на социальную практику как классического (рационалистического), так и неклассического (иррационалистического) дискурсов власти. Классическая модель власти продолжает определять целостность, упорядоченность и легитимность властных структур, обеспечивая иерархичность общественных институтов и рациональную оформленность системы управления. Неклассический дискурс в современном мире также является важнейшим ориентиром для осуществления новых форм социального и межличностного взаимодействия, обеспечивающих увеличение свободы в коммуникации индивидов, расширение способов идентификации и форм самовыражения. В целом на теоретическом уровне это обеспечивает развитие многообразия социальных институтов и способов осуществления деятельности во всех сферах жизни человека и общества.

Литература

1. Яцевич М. Ю. Концепт власти как фактор формирования социальной онтологии // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. Т. 19. № 3. С. 220–228.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
3. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. № 2. С. 94–122.
4. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 176 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Калимуллина Н. Р. Особенности определения феномена власти в традиции философии постмодернизма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 39–41.
8. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М.: Весь мир, 2002. 368 с.
9. Аристотель. Политика // Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
10. Платон. Государство. М.: Наука, 2005. 294 с.
11. Петров Н. И. Микрофизика власти и схоластическая культура // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 1. С. 252–257.
12. Кузанский Н. Сочинения. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.
13. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 296 с.
14. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.
15. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
16. Ницше Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1990, Т. 2. 830 с.
17. Черных С. С. Психологический анализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 3. С. 27–32. DOI: 10.18522/0321-3056-2015-3-27-32
18. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2019. 286 с.
19. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (замечки для исследования) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 159–175.
20. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей шк. экономики, 2010. 240 с.
21. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
22. Bell D. V. J. Power, influence and authority: An essays in political linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1975. XXI+131 p.

Ontological Aspects of Power in Western European Discourse

Maria Yu. Yatsevich^{a, @}

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

@ maria762003@list.ru

Received 28.10.2020. Accepted 23.11.2020.

Abstract: The article explores the ontological foundations of power in Western European philosophical discourse. The author analyzed essential characteristics of power within classical and non-classical paradigms, thus revealing the relationship of its ontological principles with social practice in different historical periods. According to the classical rationalistic world view, power was endowed with metaphysical properties, which provided it with transcendental status and ethical characteristics. Power correlated with such concepts as "good", "hierarchy", "responsibility", "order", "law", "justice", etc. This discourse presented the government as a category of ontological order, sacrament to the Absolute, and contributed to the development of its institutional forms and management strategies based on control, subordination, and coercion. The non-classical paradigm put forward the idea of power as a manifestation of the irrationality of the human psyche. Criticism of logocentrism made voluntaristic philosophers present power as a category of anthropological discourse. Its basic properties were defined through such concepts as "universality", "irrationality", "subjectivity", "totality", "ubiquity", etc. Power was deprived of its transcendental status and ethical character, which traditionally provided it with legitimacy in society. However, it acquired the properties of universality and immanence of human nature in the unconscious structures of human psyche. In social practice, the transformation of the principles of power led to the development of ideological discourses and new ways of exercising power.

Keywords: social practices, rationalism, irrationalism, logocentrism, metadiscourse, social ontology, modernism, postmodernism

For citation: Yatsevich M. Yu. Ontological Aspects of Power in Western European Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 338–345. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-338-345>

References

1. Yatsevich M. Yu. The concept of power as a factor in the formation of social ontology. *Trudy Novosibirskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2016, 19(3): 220–228. (In Russ.)
2. Marx K., Engels F. German ideology. *Works*, 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1955, vol. 3, 7–544. (In Russ.)
3. Parsons T. The concept of society: components and their relationship. *THESIS*, 1993, (2): 94–122. (In Russ.)
4. Weber M. *Favorites. The image of society*. Moscow: Iurist, 1994, 702. (In Russ.)
5. Habermas J. *Democracy. Mind. Morality*. Moscow: Nauka, 1992, 176. (In Russ.)
6. Foucault M. *Will to the truth: on the other side of knowledge, power, and sexuality*. Moscow: Kastal, 1996, 448. (In Russ.)
7. Kalimullina N. R. The peculiarities of the authority phenomenon definition in the tradition of postmodernism philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (338): 39–41. (In Russ.)
8. Benetton F. *Introduction to political science*. Moscow: Ves mir, 2002, 368. (In Russ.)
9. Aristotle. *Policy. Works*. Moscow: Mysl, 1983, vol. 4, 375–644. (In Russ.)
10. Plato. *State*. Moscow: Nauka, 2005, 294. (In Russ.)
11. Petrov N. I. Microphysics of power and scholastic culture. *Vestnik Saratov state technical university*, 2011, 4(1): 252–257. (In Russ.)
12. Kuzansky N. *Works*. Moscow: Misl, 1979, vol. 1, 488. (In Russ.)
13. Latour B. *There was no New time. Essay on Symmetrical Anthropology*. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2006, 296. (In Russ.)
14. Locke J. Two treatises on the board. *Works*. Moscow: Mysl, 1988, vol. 3, 135–406. (In Russ.)
15. Mannheim K. Ideology and utopia. *The diagnosis of our time*. Moscow: Iurist, 1994, 7–276. (In Russ.)
16. Nietzsche F. *Works*. Moscow: Mysl, 1990, vol. 2, 830. (In Russ.)
17. Chernykh S. S. Psychoanalysis of metaphysical foundations of power: S. Freud, A. Kozhev. *University news. North-Caucasian region. Social sciences series*, 2015, (3): 27–32. (In Russ.) DOI: 10.18522/0321-3056-2015-3-27-32
18. Fromm E. *Escape from freedom. Man for himself*. Moscow: AST, 2019, 286. (In Russ.)
19. Althusser L. Ideology and ideological apparatus of the state (notes for research). *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2011, (3): 159–175. (In Russ.)
20. Lukes S. *Power: radical view*. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shk. ekonomiki, 2010, 240. (In Russ.)
21. Markuze G. *Eros and civilization. One-dimensional man. A study of the ideology of a developed industrial society*. Moscow: AST, 2002, 526. (In Russ.)
22. Bell D. V. J. *Power, influence and authority: An essays in political linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1975, XXI+131.